

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

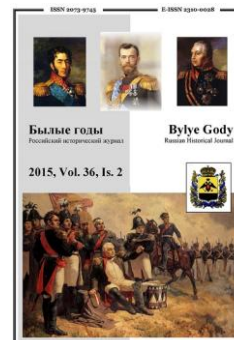
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 388-393, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 47, 94

The Everyday Activity of Rural Schools in the Early 1920s (through the Example of Schools in the Village of Aibga)

Anvar M. Mamadaliev

International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
PhD (Pedagogy)
E-mail: anvarm@mail.ru

Abstract

This article, based on documents from the Archive Department of the administration of the city of Sochi, which are being introduced into scientific circulation for the first time, as well as print media materials, looks into the everyday activity of primary schools in the village of Aibga in the 1920s. There is some focus on the regional specificity of teaching at a primary school and specific facilities-related and economic issues. The author comes to the conclusion that the labor conditions of rural teachers during said period were very hard. Academic activity had a pronounced seasonal nature – during the winter months it would “bloom” due to the cessation of agricultural work, while it would virtually cease with the start of the agricultural season. In addition, there was a severe lack of proper school inventory.

Keywords: school, rural school, township school, history of the development of rural schools, schools in Sochi during the Soviet period, provincial schools, teachers reports.

Введение

Исследование системы образования в различные эпохи общественного развития всегда привлекала не только представителей педагогической науки, но и историков. Важность изучения данной сферы жизни общества обусловлена прежде всего тем, что она прямо или опосредованно отражает значительную часть социально-экономических и политических процессов, происходящих в государстве: исследуя образовательные процессы, можно косвенно судить обо всех важнейших критериях развитости страны.

Материалы и методы

Основным источником в нашей работе стали впервые вводимые в научный оборот документы архивного отдела администрации города Сочи (Ф. Р-31. Отдел народного образования исполнительного комитета Сочинского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Районо). Помимо этого в работе были использованы монографии и материалы периодической печати [1-9].

При написании статьи применялись такие общенаучные методы как методы анализа и синтеза, конкретизации, обобщения. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с другими событиями и фактами. Особенно этот метод отражен при сопоставлении деятельности школы и общегосударственных проблем начала 1920-х гг.

Обсуждение

Особый, по нашему мнению, интерес представляет исследование истории образования в регионах. Исторические процессы, протекавшие в административных центрах государства обычно изучены много лучше, чем аналогичные, происходившие на периферии по причине наличия куда более значительного количества (да и качества) источников, – в основу общей характеристики исторических процессов государства ложатся именно исследования событий в основных, ключевых

административно-экономических единицах. Вместе с тем, изучение и сравнительное исследование событий региональных во многом косвенно или прямо может подтвердить или поставить под сомнение правильность исторических выводов в целом. Поэтому не представляется возможным, на наш взгляд, полноценно исследовать историю какого-либо события без анализа схожих по своей природе событий в регионах: применительно к нашей теме – истории развития регионального начального образования в условиях советской деревни в 1920-х годах.

Выбранный нами период не случаен: он характеризуется становлением советской власти и внедрением во все сферы жизни общества принципиально новых, социалистических отношений. Ранний постреволюционный период известен, прежде всего, гражданской войной, отголоски которой прослеживаются вплоть до конца 1920-х годов, результатом и "памятью" обоюдного террора, складыванием в государстве социалистической системы отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями и т.д. Каким был процесс обучения и его организация в одном из отдаленных поселков далекой провинции в это непростое время? На основе неопубликованных ранее источников попробуем восстановить некоторые аспекты деятельности сельских школ на периферии молодого Советского государства (на примере деятельности школы в п.Аибга Сочинского района Черноморского округа Кубано-Черноморской области).

Результаты

Как известно, 11 мая 1920 года Черноморская губерния, основанная еще при Николае II, была ликвидирована, а на ее территории был образован Черноморский округ в составе Кубано-Черноморской области. Округ первоначально делился на восемь волостей, которые в 1923 году были реорганизованы в пять районов, одним из которых стал Сочинский район [10-11].

Переходя к исследованию деятельности школы в поселке Аибга на основе анализа новых источников (докладов учителей) отметим некоторые малоизвестные факты.

Особый интерес данные доклады представляют в том, как каждый учитель подходил к этому заданию от Отдела Народного Образования. В докладах очень часто отражается настроение его составителя (что не найти в циркулярных документах), часто преподаватели описывали не состав их образовательной программы, а процесс. И так как это происходило в стадии становления нового типа школы, а именно – Советской трудовой школы, то можно в этих докладах увидеть очень яркие картины быта села и сельской школы. Хотелось бы представить один из весьма интересных учительских отчетов: село Аибга, 5-й участок, 1923-24 учебный год, учитель – Евсей Иванович Уланов.

Учитель начинает отчет с того, что был отправлен на 5-й участок, шел пешком 90 верст (ок. 96 км) «и без копейки денег». На этом участке он нашел разрушенное здание бывшей церковно-приходской школы. «В школе не было окон, потолок осыпался, стены, печь насквозь пробиты. В селении 23 двора. Предложил поселянам привести в порядок школьное здание. Мое предложение раскололо на 2 части общество. Поселяне не имеющие детей и родители детей уже вышедших по их мнению из пределов так называемого школьного возраста отказались приступить к ремонту школы ссылаясь на свое положение, на обязательство о бесплатном обучении за счет республики, на отсутствие материальных средств. – Был у нас фельдшер да ушел, был доктор, да сбежал. Уйдешь и ты, кормить нам тебя нечем и если сейчас не уйдешь, зимой здесь с голоду сдохнешь. – Были и другие советы. Так как мне есть было нечего, то я начал ходить из избы в хату, за хлеб помогая в уборке урожая, попутно ведя агитацию за открытие школы» [12].

Далее учитель рассказывает о сельском собрании, состоявшемся 3 октября 1923 г. на котором постановили: 1) вытребовать стекла для школы у заведующего Адлерским Культпросветом т. Гурова (который уже ранее поселянам обещал выделить их); 2) восстановить печь – пригласить печника (за счет села); 3) отремонтировать 5 парт; 4) доставить кровать, стол и пару стульев; 5) учителю платить продуктами за 2 месяца вперед по 2 пуда картофеля и 2 пуда кукурузной муки в месяц с общества и по 1 фунту сала с родителей ученика.

«Очень нерадиво подмазали глиной стены и потолок школы, так что наружу сквозили щели. Едва закончили ремонт к 15 ноября и то благодаря сухой осени, энергии поселянина И.М. Карышева, да моей настойчивости из которой было ясно, что я не только не уйду из селения, но за неисполнение обществом его же постановления, которое находится у меня в кармане, могу для общества причинить неприятности. При таких условиях создалась школа, а так как заведующий т. Гуров дал легкомысленное обещание, то поселяне принесли кое каких осколков, вместо целых стекол, оконные просветы забили дранкой да подмазали глиной и если бы не парты, то школа походила бы совсем на овчарню» [13].

Далее учитель делится своим опытом как проводить уроки без часов. Во-первых, можно ориентироваться по программе, а во-вторых, по утомляемости. Однако он считает более продуктивными вести 1,5 часовые уроки, чем часовые.

Среди «дефектов производства», он выделил: «Отсутствие бумаги и, главное, чернил, что для меня особенно важно, дали себя знать – мои ученики пишут скверно, а мое положение стало еще печальней от отсутствия кусочка мела и я иллюстрировал свои уроки углем на полу, на печке, имея не использованную классную доску. Дикость населения дошла до того, что мне предложили бросить

лепку, так как дети «пачкаются» и умывая руки «простужаются» – отложил лепку до теплой погоды. К декабрю было покончено с разрезной азбукой, запоминая в среднем по 3 буквы в урок, к тому же времени дети копировали с прописей, но к сожалению карандашами, чем я очень недоволен, так как появилась привычка небрежно писать и затем стирать пальцем старые ошибки ради новых. По математике до половины декабря упражнялись исключительно с кукурузными зернами, счет до 10. (...) По-моему нет ни какой возможности обратить внимание детишек на все стороны мелькающей перед ними жизни и программа с ними у меня зависит от времени года и то неудачно. Например, поздняя весна мне мешала указывать ребятишкам своевременно на изменения в природе: я забегал вперед, чтобы вновь возвращаться назад, а они мне кричали «Мы знаем!».

В конце марта, начала апреля, чтобы не кормить дома свиней с одной стороны, и чтобы не разбили волки свиных табунов, родители начали брать детей из школы и на мои просьбы оставить детей (чем кроме «кислых» слов вооружен народный учитель?) отвечали: «Теперь каждый ребенок 20 свиней упасет от волков». Если в ноябре посещало школу 20 человек, то марте уже – 14, а в апреле-мае – всего 3. Из этого видно как мало было уроков и как зато много свиней сохранили отцам их дети.

Заняв бывшую церковно-приходскую школу, к слову сказать, разбитую самими поселянами, при которой была когда-то библиотека, теперь расхищенная и раскуренная, ныне представляющая собрание непригодных к жизни пустословий печатанных на толстой бумаге, из нудных листов Троицко-сергиевых литераторов-моралистов, так что по просмотру я едва мог допустить в оборот десятка два брошюр-листовок» [14].

Очень интересен путь возникновения местного Союза Коммунистической Молодежи (С.К.М.), а также внешкольные занятия учителя с детьми. «Своим возникновением местный С.К.М. обязан какому-то заезжему милиционеру наскоро отобравшему от молодежи «подписку» о вступлении в союз и затем обругавшему их отцов за их приверженность к контрабанде и исчезнувшему с «подпиской». Старики, выслушав власть, с подчтением ее отпустили, но безо всякого почтения отнесли к молодежи, предоставив им по их малолетнему «камсу молотъ» пригрозив им «насчет иного-прочаго».

Когда забили дранкой в школе пустующие окна, местные берендеи сказали мне, чтобы я «гульбиз» молодежи в школе не допускал. И не желая по-напрасну волновать стариков, я начал занятия с молодежью у себя в комнате-кухни. Я начал вести беседы-пропаганды точно также как вели мы в свое время беседы-агитации. Молодежь набивалась каждый вечер (время было свободно до марта-месяца). Но от привезенных мною из Москвы действительно хороших брошюр отказывалась, по непривычке к чтению, а если из деликатности и брала, то не дочитывала, не уясняла их себе и в конце концов лепетала отсебятину. Раздачу брошюр, как не достигающую цели, я прекратил и принялся за летучую пропаганду, так как связанная то с этногеографией, то с падением бумажного рубля, она всегда являлась «к моменту» чисто шкурного вопроса существования. Молодежь не видя никакого удовлетворения в приложении здесь своих сил для безоговорочного ремонта изгородей, для защиты посевов от скота, стремится вон из участка, чтобы быть поближе к городам и людям. Возрастающее стремление к общению порождает жажду знаний, которые я стремлюсь удовлетворить. Но и здесь я много теряю, не имея материальной возможности иллюстрировать мысли или события текущего момента прессой. За все время я не получил ни одной газеты» [15].

Описание сельской провинциальной школы было бы неполным, если не сделать анализ ее материально-технического состояния. Заканчивая анализ Аибгинской школы №2 приведем материалы из доклада о состоянии школьного дела:

«Громоздкая русская печь 1,5 x 2 аршина находилась в полуразрушенном состоянии. Изба внутри грязная, с наружи глина обвалилась, так что всюду свистел ветер» [16]. Учителю этой школы на общем сходе поселян договорились платить по 1 пуду кукурузы и по пуду картофеля с ученика. Но как он сообщает – получил за все время 8 пудов картофеля и 6 пудов кукурузы.

«Отношение селян к школьному делу пассивное; детей некоторых отпускают только с декабря, когда заканчивалась совершенно сборка каштанов и орехов. По старым, имеющимся при школе документам, иногда занятия начинались с ноября месяца, а кончались в начале марта. Библиотека при школе богаче всего Адлерского района. (...) Я поступил к занятиям 10 октября [1923 г.] при посещаемости 10 чел. Дети, по обыкновению, как это водится в отдаленных уголках, не были снабжены ни бумагой, ни карандашами. Пришлось делиться тем, что привез с собой. После двух месяцев занятий в школе разрушилась русская печь. [За это время прибавилось еще на 10 чел., учитель разбил их на 3 группы по уровню знаний]. Ощущая недостаток в бумаге и других для письма пособиях, собрал кое-как червонец. Который по постановлению общего собрания передан председельскому, а он, продержав его у себя в кармане 3 месяца, ничего ни купил для школы; тогда общество отобрало его и пожертвовало на содержание церкви» [17]. На этом занятия в школе закончились, т.к. ученики забирались родителями из школы для посылки скота.

Анализируя доклады других сочинских школ отметим, что в документах порой встречаются крайне личные сообщения о ведении школьного дела тем или иным учителем. Так учитель в Ахштырской школе I ступени Адлерского района сначала пишет в отчете о всех самых лучших качествах экскурсии как метода обучения, сообщает, что этот метод введен в этой школе именно им. И что: «...Ныне самые отсталые старики относятся с благоговением к каждой коллекции, которую

Так же стоит отметить, что около 90 % докладов содержат отчет о том, что выучили с детьми песню «Интернационал» на русском языке.

На фоне всех школ заметно выделяются национальные – армянские, грузинская, эстонская и греческая. В докладах этих школ можно увидеть удивительно своеобразный подход к учебному процессу.

В докладах армянских учителей указано, что на уроке обществоведения она разговаривали о вреде курения (тема обсуждения указано единственной школой), о болезнях, о правильном подборе педагогического персонала, о желательном обучении детей на армянском, а не на русском языке. Армянские школы имели наибольшее число учеников, правда 70 % и более – мальчики. Об этом поднимает отдельный вопрос учительница армянской школы, сообщая, что это «привезенные из Турции обычаи» не обучать девушек после 14 лет, т.к. их надо уже к семье готовить» [22].

Учитель Грузинской школы I ступени прикрепил к отчету листы детских прописей с рисунками (см. Рис. 1, 2).

Выводы

Завершая, хочется выделить следующие характерные черты школьного дела в начале 1920-х годов. Прежде всего, надо отметить прилежность учителей и их верность своему делу. Условия труда были весьма тяжелые и многие специалисты уходили, не выдерживая подобных тягот. Прилежными, судя по фотографиям и тетрадям, были не только учителя, но и ученики, проявлявшие, ко всему прочему, незаурядный творческий потенциал. В качестве недостатков, отметим, что учеба имела ярко выраженный "сезонный" характер – в зимние месяцы из-за отсутствия работы "процветала", с наступлением очередного сельскохозяйственного сезона фактически прекращалась; в целом же была пассивной, так как пользы от нее крестьяне не видели. Ну и, конечно, традиционная в этот период отсталость в обеспечении и нехватка необходимых для учебы предметов.

Примечания:

1. Rozhkov A.Y. «It is quiet in class while students are writing» motivation, academic performance, live projects of students from 1920s // European researcher. 2011. № 9 (12). Pp. 1280-1288.
2. Sifutdinova N.Sh. Future teachers' training improvement: preparation for unified state examination as methodological problem // European researcher. 2011. № 3 (5). Pp. 329-332.
3. Vegera L.R. V.P. Naumenko Sociopolitical Activity (Second Half of XIX Century. – 1917 Year) // European Researcher, 2014, Vol.(80), № 8-1. Pp. 1453-1463.
4. Makarenko O. Pedagog, prosvetitel', gumanist // Rodnaya shkola. 2002. №8-9. S. 67-70.
5. Chikalenko E., Efremov S. Perepiska. 1903-1928 goda / Uporyad. I. Starovoitenko. K.: Tempora, 2010.
6. Eliseeva I.A. Assessing the Motivation Environment for Innovation Activity at General-Education Institutions // European Journal of Contemporary Education, 2015, Vol.(11), Is. 1. Pp. 16-30.
7. Мартиросян Б.П. Оценка инновационной деятельности школы. М.: СпортАкадемПресс, 2003. 276 с.
8. Korol V.N. Labor Reserves Staff of Educational Institutions of Ukraine during the Restoration Period (1943–1950) // Журнал министерства народного просвещения, 2014, Vol.(1), № 1. Pp. 21-29.
9. Magsumov T.A. Periodicals as a Source on the History of Secondary Vocational Schools of Late Imperial Russia // Журнал министерства народного просвещения, 2014, Vol.(1), № 1. Pp. 12-20.
10. Бершадська О.В. Соціальні процеси на території міста-курорта Сочі у новітній час: історіографічний огляд // Сумський історико-архівний журнал. 2013. № 2. С. 93-100.
11. Karnauh O.D. State-Legal Politics of the Russian Empire in Regard to Colonization of the Black Coast in the Northwest Caucasus and its Outcomes by XX Century // Russian Journal of Legal Studies, 2014, Vol. (1), № 1, p. 22-28.
12. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 45–50.
13. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44.
14. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 45–50.
15. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 45–50.
16. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 3–4.
17. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 3–4.
18. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 26.
19. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 26.
20. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 26.
21. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 10.
22. АОАГС. Ф. Р-31. О. 1. Д. 44. Л. 94.

References:

1. Rozhkov A.Y. «It is quiet in class while students are writing» motivation, academic performance, live projects of students from 1920s // European researcher. 2011. № 9 (12). Rr. 1280-1288.

2. Sifutdinova N.Sh. Future teachers' training improvement: preparation for unified state examination as methodological problem // European researcher. 2011. № 3 (5). Rr. 329-332.
3. Vegera L.R. V.P. Naumenko Sociopolitical Activity (Second Half of XIX Century. – 1917 Year) // European Researcher, 2014, Vol.(80), № 8-1. Rr. 1453-1463.
4. Makarenko O. Pedagog, prosvetitel', gumanist // Rodnaya shkola. 2002. №8-9. S. 67-70.
5. Chikalenko E., Efremov S. Peregipska. 1903-1928 goda / Uporyad. I. Starovoitenko. K.: Tempora, 2010.
6. Eliseeva I.A. Assessing the Motivation Environment for Innovation Activity at General-Education Institutions // European Journal of Contemporary Education, 2015, Vol.(11), Is. 1. Rr. 16-30.
7. Martirosyan B.P. Otsenka innovatsionnoi deyatelnosti shkoly. M.: SportAkademPress, 2003. 276 s.
8. Korol V.N. Labor Reserves Staff of Educational Institutions of Ukraine during the Restoration Period (1943–1950) // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 2014, Vol.(1), № 1. Rr. 21-29.
9. Magsumov T.A. Periodicals as a Source on the History of Secondary Vocational Schools of Late Imperial Russia // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 2014, Vol.(1), № 1. Rr. 12-20.
10. Bershads'ka O.V. Sotsial'ni protsesi na teritorii mista-kurorta Sochi u novitnii chas: istoriografichnii oglyad // Sums'kii istoriko-arkhivnii zhurnal. 2013. № 2. S. 93-100.
11. Karnauh O.D. State-Legal Politics of the Russian Empire in Regard to Colonization of the Black Coast in the Northwest Caucasus and its Outcomes by XX Century // Russian Journal of Legal Studies, 2014, Vol. (1), № 1, p. 22-28.
12. Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi (AOAGS). F. R-31. O. 1. D. 44. L. 45–50.
13. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44.
14. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 45–50.
15. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 45–50.
16. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 3–4.
17. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 3–4.
18. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 26.
19. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 26.
20. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 26.
21. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 10.
22. AOAGS. F. R-31. O. 1. D. 44. L. 94.

УДК 47, 94

**Повседневная деятельность сельской школы
в начале 1920-х годов
(на примере школы в селе Аибга)**

Анвар Мирзахматович Мамадалиев

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: anvarm@mail.ru

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов архивного отдела администрации города Сочи, а также материалов периодической печати рассматривается повседневная деятельность начальной школы в селе Аибга в 1920-х гг. Уделено внимание региональной специфике преподавания в начальной школе, хозяйственным и экономическим проблемам. Автор приходит к выводу, что условия труда сельских учителей в указанный период были очень тяжелыми. Учебная деятельность имела ярко выраженный сезонный характер – в зимние месяцы в связи с прекращением сельскохозяйственных работ она "процветала", с наступлением очередного сельскохозяйственного сезона фактически прекращалась. Помимо этого была острой нехватка школьного инвентаря.

Ключевые слова: Школа, сельская школа, поселковая школа, история развития сельской школы, школы Сочи в советский период, провинциальные школы, учительские отчеты.